

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

Тезисы докладов
I годичной научной сессии ИО ИНА
март 1965 года

Ленинград
1965

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

Тезисы докладов
I годичной научной сессии ИО ИНА
март 1965 года

Ленинград
1965

П.А.Грязневич

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ**

1. Традиционный филологический метод и подход к проблеме возникновения историографии на арабском языке исходит из отождествления исторического творчества с письменным историческим повествованием. Этот подход оставляет исследование в пределах чисто литературных и историко-культурных проблем (влияние ислама, заимствования, подражания и т.п.), рассматриваемых в отрыве от глубоких сдвигов в социально-политическом развитии арабов.

С подходом к историческому творчеству как к литературному процессу связан традиционный тезис, рассматривающий Коран и богословско-юридическое предание (хадис) в качестве непосредственного исходного момента возникновения и развития арабской историографии.

2. Между тем письменное историческое предание является не началом, а одной из более поздних форм исторического творчества. Само историческое повествование теснее других видов словесного творчества связано с процессом общественного развития, будучи одной из основных форм и видов выражения исторического и социально-политического самосознания.

Коренное изменение арабского исторического предания отразила процесс этнической и политической консолидации арабских племен в VI-VII вв., завершившейся в конечном итоге созданием арабской народности и самостоя-

тельной государственности. Появление Корана и ислама отмечает не начало формирования исторического сознания, как утверждает традиционное востоковедение, а один из заключительных этапов связанной с этнической и политической консолидацией населения Аравии, трансформацией племенного исторического сознания в классовое национально-территориальное.

Исторические идеи и исторический материал Корана, богословско-юридического предания и исторической традиции имеют общим источником стихию устного народного предания, испытавшего воздействие идеологии и культуры соседних народов. Особенно важным было воздействие иудейско-христианского историко-религиозного предания, бытовавшего в Аравии в течение ряда столетий, а в значительной части и сформировавшегося здесь.

3. До конца VII в. история оставалась в основном стихийным коллективным устным творчеством. Начиная с конца VII в. намечается определенная тенденция к профессионализму. История все больше перестает быть общим достоянием, все большую роль в ней начинают играть эрудиты-собиратели и филологи-логографы.

Оформление официальной политической идеологии халифата, создание общеисторической схемы и соответствующей ей структуры исторического повествования, а также внедрение письма и специальных приемов накопления и передачи материала окончательно разделяют историческое творчество арабов на два потока - индивидуальную историографию и исторический фольклор.

Особенности создания халифата и его социально-политической истории в VII-IX вв. объясняют отсутствие единого потока историографического творчества на арабском яз. Распространение и внедрение общих форм исторического повествования и технических приемов подачи материала происходило в процессе складывания местных историографических традиций на арабском языке, отра-

жавшего формирование местного исторического и политического самосознания в главных провинциях халифата.

К.В.Васильев

ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ЕЕ МЕТОДЫ
("Чжаньго цэ" и историческая литература
эпохи Чжоу)

1. Текст "Планов сражающихся царств" (Чжаньго цэ) был составлен в I в. до н.э. на основе ряда сочинений, сложившихся в конце эпохи Чжоу – начале эпохи Хань. Этот памятник содержит собрание речей, бесед и посланий, в которых раскрываются те или иные политические, либо стратегические ситуации, обрисовываются внутреннее состояние государства и борющиеся в нем политические силы, отмечаются основные черты характера государственных деятелей и полководцев "сражающихся царств" (У–III вв. до н.э.). Причины появления такого рода исторических сочинений невозможно выяснить без детального ознакомления с древнекитайской исторической литературой.

2. Анализ разнообразных исторических данных показывает:

1) в позднечжоуское время произнесенные при официальных обстоятельствах речи приравнивались к важным государственным документам;

2) для историографов того времени речи, как и сами события, в равной мере были фактами, достойными упоминания.

3. Воздействие разнородных факторов привело к тому, что важнейшим конструктивным элементом ряда древнейших исторических повествований стало литературное воспроизведение различных типов устной речи. Последняя особенность чжоуской историографии оказала несомненное влияние на создателей тех текстов, которые были собраны в источниках "Планов сражающихся царств".

Установление того обстоятельства, что в данном памятнике представлены материалы произведений, сформировавшихся в русле позднежоуской историографической традиции, заставляет с большим вниманием относиться к нему как к историческому источнику.

4. Сравнительное изучение "Цзо чжуаня", "Го ян" и др. с несомненностью свидетельствует, что литературная судьба речей в древнем Китае мало зависела от "произнесенных" оригиналов, ибо контуры последних, сохраненные первоначальной записью или устной традицией, заполнялись содержанием через несколько десятилетий, а может быть и столетий после того, как речи были произнесены. В этих условиях широко распространилась практика сочинения вымышленных исторических речей. Действительно, в "Планах сражавшихся царств" есть речи, которые, ввиду ряда хронологических, географических и др. неувязок, обнаруженных в их тексте исследователями, никак не могли быть произнесены теми лицами, в уста которых они вложены.

5. Одна из центральных проблем, возникающих в ходе исследования данного памятника, заключается в том, какое значение имело историческое содержание его речей, кем и для кого они были написаны. Ответы на эти вопросы помогают восстановить некоторые характерные черты почти неизвестной картины политической жизни древнекитайского общества в V—III вв. до н.э.

С.А.Школяр

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДООГНЕСТРЕЛЬНОЙ АРТИЛЛЕ- РИИ В КИТАЕ (X — XII вв.)

I. Интерес к истории восточной, в частности китайской артиллерии, в последние десятилетия проявляемый в научной литературе, не случаен. С появлением и развитием доогнестрельной артиллерии тесно связано развитие

ряда отраслей военной техники и военного искусства в Китае. Поскольку в Китае и ряде сопредельных с ним стран основным типом метательных машин была натяжная рычажная катапульта с пращей (т.н. блида), о которой нет точных сведений в европейских и ближневосточных исторических источниках, изучение ее тактико-технических данных по китайским источникам важно для общей истории артиллерии доогнестрельного периода. Китайское камнеметное оружие было существенным фактором многих войн X-XIII вв., в частности татаро-монгольского нашествия, изучение этого оружия позволяет внести ясность в некоторые сообщения западных и восточных источников о военной технике монголов. Наконец, с китайской камнеметной артиллерией X-XIII вв. неразрывно связан ранний этап развития порохового оружия, совершившего затем полный переворот во всем военном деле.

2. До сих пор в литературе нет ни одной работы, где китайская доогнестрельная артиллерия была бы самостоятельным объектом исследования. Отрывочные сведения о метательной технике сообщаются, главным образом, в немногих работах по истории огнестрельного оружия. Эти сведения отличаются неточностью, авторы часто заимствуют друг у друга одни и те же скудные данные, искажая и толкуя их по-разному. Попытка К.Хуури (1941) обобщить имеющийся материал по истории китайских камнеметных машин успехом не увенчалась. В связи с этим авторы указывают на настоятельную необходимость разработки китайских источников.

3. Источники в большинстве своем являются произведениями, достаточно известными в китаеведении. К первой группе их можно отнести такие, как трактаты "Ху цзянь цзин" Сюй Дуна, "У-цзин цаунъяо" Цзэн Гун-ляна, "Шоу чэн лу" Чэнь Гуя, "Би-хун цзя хуа" Ши Мао-ляна, в которых даны описания устройства блида, снарядов и их тактико-технические данные. Во вторую группу входят источники, содержащие разнообразные сведения о ме-

тодах, масштабах, характере и результатах тактического применения китайской артиллерии в войнах X-XIII вв. Это, прежде всего, династийные истории Сун, Ляо, Цзинь, Юань, хроники Ли Синь-чуаня "Цзянь-янь илай синянь яолу", Ван Чэна "Цзин-кан яолу" и Дин Тэ-ци "Цзин-кан цзивэнь", исторический свод Сюй Мэн-синя "Саньчао бэй-мынь хуэйбянь", анонимное сочинение "Сунцзи саньчао чжэньяо". Сюда же относятся произведения, описывающие войны, отдельные кампании, осады крепостей. Они принадлежат, как правило, очевидцам или современникам событий и особенно ценны для исследования. Таковы "Дэань шоуй лу" Тан Шоу, "Синь-цзи ци Ци лу" Чжао Синь-чжи, "Дэань шоучэн лу" Ван Чжи-юаня, "Сянъян шоучэн лу" Чжао Ван-няня, "Пин Сун лу" Лю Минь-чжуна, анонимные "Чжао чжун лу", "Цзинши дадянь суйлу" и др.

4. Анализ источников показывает высокую степень достоверности содержащихся в них материалов об артиллерии X-XIII вв. В ряде случаев перепроверка позволяет внести необходимые уточнения в цифровые данные, характеризующие устройство и тактические особенности камней. В свою очередь рассмотрение устройства механизмов с чисто технической стороны дает возможность исправить явные ошибки и опiski в тексте основного источника - трактата "У-цзин цаунъяо".

5. В целом материалы источников предоставляют большие возможности для подробного и многостороннего исследования китайской артиллерии X-XIII вв. Ближайшее рассмотрение их приводит к следующим основным выводам:

- Камнеметная артиллерия в Китае X-XIII вв. являлась одной из важнейших отраслей боевой техники, ее роль в крепостной войне часто была решающей;

- Несмотря на разнообразие видов блиц, все они могут быть сведены в три основные группы орудий, становление которых следует объяснить их различным тактическим назначением;

- В Китае X-XIII вв. уделяли большое внимание метательной артиллерии и ее производству на основе стандартизации видов и унификации деталей блинд;

- Основными метаемыми предметами были каменные ядра, вместе с тем применялись и снаряды различного назначения, в первую очередь огневые снаряды, в большинстве которых использовались зажигательные и фугасные свойства пороха;

- Применение метательных машин в Китае X-XIII вв. носило массовый и тактически разнообразный характер, основные тактические приемы, за небольшим исключением, были сходны с методами использования артиллерии в других странах Востока и на Западе.

С.С.Какабадзе

ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ КРИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НАЧАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГРУЗИНСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СБОРНИКА "КАРТЛИС ЦХОВРЕБА"

1. Грузинский летописный сборник "Картлис цховреба" имеет первостепенное значение для изучения древней истории Грузии, а также Армении и соседних стран. Кроме того, это - единственный средневековый письменный источник, сохранивший сведения о горских племенах Кавказа.

2. Критического текста "Картлис цховреба" все еще нет: издание М.Броссе (1849 г.) было осуществлено по имевшимся в его распоряжении трем рукописям XIII в.; в издании С.Г.Каухчишвили (1955 г.) дан сводный текст сборника по всем рукописям (кроме списка царевича Иоанна начала XIII в. и обнаруженной позднее - в 1959 г. - копии 1697 г. мцхетского списка) без выделения в ранних редакциях XIII в. более ранних редакций.

3. Подготавливаемое издание ставит целью текстуальное изучение начальных частей сборника "Картлис цховреба" с возможным выявлением наиболее ранних слоев

текста.

4. Копия мцхетской рукописи "Картлис цховреба", обнаруженная в 1959 г. А.Климиашвили, исключительно близка к списку царицы Марии. Следовательно, эти две рукописи вместе с рукописью Мачабели, которая с большой точностью в деталях следует за списком Марии (С.Г. Каухчишвили), можно объединить в так называемую "мцхетскую" группу рукописей сборника.

5. Сравнение древне-армянского перевода "Картлис цховреба" с грузинскими списками показало близость этого перевода к списку Марии и, следовательно, к "мцхетской" группе рукописей. Вместе с тем, ряд чтений списка Марии, отвергнутых еще комиссией Вахтанга в начале XVIII в. и с тех пор считавшихся ошибочными, подтверждается древне-армянским переводом. Поэтому этот перевод необходимо привлечь для контроля грузинского текста.

6. Редакционная близость "мцхетской" группы рукописей к древне-армянскому переводу показывает, что редакция текста этой группы рукописей в начальной части сборника восходит по крайней мере к XII в. и, следовательно, является наиболее ранней сохранившейся грузинской редакцией.

7. Список царицы Анны, текст которого восходит к началу XIII в. (И.А. Джавахишвили), и список Чалашвили сохранили текст "Картлис цховреба" в несколько иной редакции. Следовательно, в XII-XIII вв. уже существовали по крайней мере две редакции текста. "Житие святой Нины", помимо этого, было представлено еще в редакции, сохраненной древне-армянским переводом "Картлис цховреба".

8. Список царевича Иоанна начала XVIII в. сохранил наиболее пространную, следовательно, самую позднюю редакцию текста. Эта редакция в дохристианской части

сохранилась в списках Мачабели и Чалашвили, а начиная с жизни Вахтанга Горгасала — в списке Джанашвили. Таким образом эта рукопись сохранила полный текст этой редакции. Поэтому ее следует привлечь для установления разночтений, поскольку это до сих пор сделано не было.

9. В предлагаемом издании критический текст начальной части устанавливается на основании рукописей "михетской" группы с привлечением списков Анны и Чалашвили. Кроме того, для установления критического текста впервые привлекается древне-армянский перевод "Картлис цховреба", а для установления разночтений — список царевича Иоанна.

10. В предлагаемом издании делается также попытка реконструкции текста ранее XI-XII вв.

А.М.Газов-Гинзберг

НОВОЕ В ТОЛКОВАНИИ ОДНОГО ИЗ ОСНОВНЫХ ПАМЯТНИКОВ МЕРТВОГО МОРЯ (I QM)

Кумранский свиток "Война сынов Света" (эсхатологическая программа искоренения язычества в мире) издан и многократно комментирован за рубежом. Проведенная нами подготовка к русскому комментированному переводу свитка позволяет предложить новые детали его толкования (из них пункты 1-2 публикуются в *Revue de Qumran*, Paris, N 18, 1965).

1. Автор свитка развивает библейскую эсхатологию, хотя нередко толкует ее своеобразно (в допустимых грамматически пределах). Это относится и к царю "киттиев" (≈ европейцев) из "заморских стран" (Dan. II:18-30 и др.), которые "смирят Ашшура, и (вместе) смирят Эвера (=евреев)" (Иш. 24:24); отсюда (!) этот царь пойдет против (!) Египта, и т.д. (Dan. II:41-45; ср. I QM I, 2, 4-7, ХУ, 2). "Киттии" могут быть римлянами (или неким будущим врагом); все сделанные ранее

попытки идентификации событий должны быть пересмотрены ввиду их несоответствия библейским прототипам пророчеств IQM.

2. Описание идеальной регулярной армии весьма последовательно. В основе лежит деление на войска 4-х "трехколенных станов", сменяющие друг друга в случае частичной неудачи (ср. Нум. 10 и др.), откуда и "7 хребиев" (склонений военного счастья) в решающей битве. Действия и выбор оружия бойцов-"междуборцов" навеяны легендой о Давиде и Голиате, и т.д.

3. Текст IQM IX, 10-11 предлагаем переводить: "...[...установление лест/ниц ([... ~~назав~~] S/W/L/MW/T - ср. Gen. 28:12), подкатывание камней и башен, и(ли) лука и башен..." (ср. Jer. 4:29. О машинном луке - П Chr. 26:15). Ср. верх буквы S в конце строки и в слове SWLMWT (?).

4. Проясняются детали устройства оружия. Золоченый "колос" на лезвии меча и наконечники пики соответствует пучку "ребер прочности" или желобков, сходящихся к острию.

5. Следует уточнить численность "глав" идеальной общины по 4-м ее группам при храме: а.) священники, б.) левиты, в.) - г.) (мирские) колена и отцы общины. Каждая из 4-х групп имеет по 12 "глав" и по 26 "глав (недельных) смен" (I QM I /конец/ - П, I и ниже изложение их функций: П, I-4. Последние слова столбца I: "/...главы смен колен и смен/"...).

6. Слово ~~uabôgôt~~ "узы", "узды" (IQM III, 3; 12/13) взято из выражения "узы Завета" (Езек. 20:37; глава не раз цитируется в IQM). Этот "Завет" (ср. "Новый Завет" секты), в отличие от прежнего, запрещает жертвоприношения в "пустыне" (вне Иерусалима). Итак, "узы (Завета)" - ритуал секты; "трубы Уз" соответствуют ритуальным трубам Нум. 10:10 (с указанной поправкой) и, также как и "значки (знамена) для Уз их", противопоставляются воинским.

**ТИБЕТСКИЙ АПОКРИФИЧЕСКИЙ СБОРНИК "КНИГА СЕКТЫ
КАДАМ-ПА" (КАДАМ-ЛЕГБАН) И ВРЕМЯ ЕГО НАПИСАНИЯ**

1. В тибетской литературе эпохи ее расцвета (XIV-XVI вв.) можно выделить группу апокрифических произведений (сборников), называемых "найденные в земле", "книги из кладов", "сокровенные книги" и обладающих рядом характерных особенностей, обусловленных их происхождением и содержанием. Они имеют немалое значение для изучения вопросов становления, развития и взаимного влияния фольклора и художественной литературы Центральной Азии.

2. К этой группе может быть отнесен сборник "Книга секты Кадам-па", посвященный индийскому монаху Атише (982-1054) и его тибетскому ученику Бром-тонпе (1004-1065) - основоположникам секты Кадам-па, реорганизованной в начале XV в. Цзонхавой (1357-1419) в секту "Новая Кадам-па" (позднее название: Гелуг-па).

3. Состав сборника "Книга секты Кадам-па": биография Атиши (авторство приписывается Бром-тонпе); произведения, приписываемые Атише, но не вошедшие в тибетский буддийский канон (среди них - сборник 20 джатак о перерождениях Бром-тонпы - образец тибетской обрамленной повести); ряд историй сказочного характера (среди которых есть 13 рассказов, возможно, еще одной версии "Волшебного мертвеца").

4. Первое упоминание сборника относится к 1494 г. (когда была написана "Великая история секты Кадам-па", указавшая его в качестве источника), после чего ссылки на сборник становятся постоянными. Дата 1494 г. - верхняя граница написания сборника.

5. Изучение известных сочинений предшествующего периода (хроника Ба Шед, VIII в., редактированная в среде секты Кадам-па в XII-XIII вв.; "История буддизма" Бутона,

1822 г.; хроника "Красные книги", 1846 г.; история буддизма "Голубая книга" Гойлоцавы Шоннупала, 1476-1478 гг.), где упоминания сборника "Книга секты Кадам-па" отсутствуют, показало, что до середины XV века сведения о биографии Атиши - скудны и немногочисленны. Только "Голубая книга" содержит сравнительно обширную его биографию, наполненную легендарными и волшебными событиями. Особенно важен тот факт, что "Голубая книга" приводит "полный" список сочинений Атиши, в котором не упоминаются ни приписываемые Атише произведения из сборника "Книга секты Кадам-па", ни сам этот сборник. Таким образом, наиболее вероятное время написания сборника - 70-90-е годы XV века.

6. Создание апокрифического сборника "Книга секты Кадам-па" следует связывать с началом и усилением борьбы секты "Новая Кадам-па" (Гелуг-па) за господство в религиозной и светской жизни Тибета.

Н.Д.Миклухо-Маклай

"АЛАМАРА-ЙИ НАДИРИ" МУХАММАДА КАЗИМА - ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПЕРСОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ХУШ В.

(некоторые истоги изучения памятника)

1. В связи с подготовкой факсимильного издания "Наме-йи аламара-йи Надири" Мухаммада Казима I была проведена исследовательская работа над текстом публикуемых рукописей; она дала возможность выявить некото-

I Мухаммад-Казим, Наме-йи аламара-йи Надири (Мироукрашающая Надирова книга), т. I. Издание текста и предисловие Н.Д.Миклухо-Маклая, Указатели Г.В.Шитова. М., 1960. - Второй и третий тома, подготовка к изданию, предисловие и общая редакция которых осуществлены автором доклада, а указатели составлены О.П.Щегловой (т.П) и Н.В.Елисеевой (т. III), находятся в печати.

рые новые детали, относящиеся к биографии автора труда — Мухаммада Казима, к рукописям его сочинения и главное позволила внести существенный корректив в один очень важный вопрос источниковедческого характера.

2. Суть этого вопроса сводится к следующему. Со времени публикации известной монографии Локкарта (1938 г.) о Надир-шахе (1736—1747) считалось установленным, что Мухаммад Казим при написании своего труда использовал знаменитый, ставший классическим труд своего современника — известного Махди-хана Астарабади, посвященный, как и сочинения Мухаммада Казима, истории Надир-шаха. Считалось также, что Мухаммад Казим, создавая свое сочинение, взял за образец труд Махди-хана.

3. Произведечное исследование текста рукописей подтвердило мнение Локкарта только в отношении третьего тома сочинения Мухаммада Казима; в основном тексте рукописи этого тома действительно встречаются места (их сравнительно очень немного) воспроизводящие почти дословно текст из труда Махди-хана.

Во втором же томе в основном тексте рукописи таких мест обнаружить не удалось. Правда, здесь также имеются заимствования из труда Махди-хана, но они представлены только в виде приписок на полях рукописи и вставок между строками текста.

4. Указанные обстоятельства позволяют заключить: а) что когда Мухаммад Казим писал второй (а также и первый том) своего сочинения, он еще не располагал трудом Махди хана и б) что Мухаммад Казим смог ознакомиться с трудом Махди хана только уже после того, как была изготовлена наша рукопись второго тома.

6. Приведенные факты дают основание сделать вывод, что Мухаммад Казим первые два тома своего сочинения написал совершенно независимо от труда Махди хана и что следовательно сочинение Мухаммада Казима в большей

своей части (два тома) может рассматриваться как вполне самостоятельный исторический источник.

7. Поскольку в связи со всем сказанным можно считать установленным, что Мухаммад Казим познакомился с трудом Махди хана только на последнем этапе своей работы (т.е. при написании третьего тома), естественно должно отпасть и существовавшее до сих пор представление о подражании Мухаммада Казима труду Махди хана.

М.А.Салахетдинова

"ДАСТУР АЛ-МУЛУК" ХОДЖИ САМАНДАРА ТЕРМЕЗИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

1. Сочинение Ходжи Самандара Термези (Несефи) "Дастур ал-Мулук" ("Наставление государям"; рукопись ДО ИНА С-450) до сих пор не привлекало внимания историков, потому что и название и построение позволяют усмотреть в нем лишь сочинение этико-дидактического типа. Однако одна из его 22 глав, составляющая более двух третей всего сочинения, непосредственно касается вопросов истории Бухарского ханства в последней четверти ХУП века.

2. В названной главе большое место уделено описанию политических событий (набеги хивинских ханов на Мавераннахр, отношения Субхан-Кули-хана с Балхом, борьба племенной знати против централизованной ханской власти). Автор сообщает такие факты и подробности, касающиеся военных операций, участников событий и пр., которые отсутствуют в других исторических источниках ("Тарих-и Муким Хани" Мухаммед-Юсуфа Мунши, "Мухит ат-таварих" Мухаммед-Амина Киракяракчи). Богатством приводимого фактического материала выделяется описание похода Ануша-хана на Самарканд. Здесь, как и при описании похода сына Ануша-хана Эренг-хана показана связь внешних врагов Бухарского ханства с кочевой знатью внутри страны, выступающей против ханской власти.

3. Оригинальны данные, характеризующие тяжелое внутреннее положение в стране: рассказы о засухе, о налете саранчи в Каршинском вилайете, о голоде в Самарканде, о произволе должностных лиц при сборе налогов, водоснабжении населения, судопроизводстве, о широком распространении взяточничества и бедственном бесправном положении трудящихся масс.

4. Предварительное знакомство с двумя другими списками данного памятника, хранящимися в Институте Востоковедения Узбекской ССР, а также большим отрывком его, обнаруженным нами в составе других сочинений, дало возможность уточнить дату написания памятника (II06-II07/I694-I696), в ряде случаев дополнить и уточнить текст нашего списка. Вместе с тем ташкентские списки обнаруживают тесное сходство с текстом нашего списка, что дает возможность говорить о существовании этого памятника лишь в одной редакции.

О.П.Щеглова

СОБРАНИЕ ЛИТОГРАФИРОВАННЫХ ИЗДАНИЙ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В библиотеке Ленинградского Отделения Института народов Азии насчитывается около 1600 экземпляров литографированных изданий на персидском языке. Они содержат 1.124 названия сочинений. Самая ранняя литография датируется 1841 годом (Тебриз), самые поздние 1933 годом (Тегеран, Лахор).

2. С точки зрения содержания сочинений наибольшее число составляют произведения художественной литературы (примерно 40% изданий), причем на 2/3 это произведения классической поэзии. Второе место по объему занимает литература, связанная с религиозными вопросами — богословие, кораническая литература, фикх, суфийская литература (около 20% изданий). Довольно значительным чис-

лом сочинений представлены разделы: история, география, биографии (причем больше всего биографий суфиев), медицина, учебные пособия (большая подборка учебников, издававшихся с конца XIX до начала 30-х годов XX в.).

3. По тематике и ценности сочинений собрание ЛО ИНА представляет значительный интерес. В собрании Института имеется ряд изданий, отсутствующих в таких крупнейших собраниях, как Британский музей, Библиотека India office, Мешхедская библиотека; многие издания не упомянуты в перечне "Персидских печатных книг", составленном Х.Мошаром. В их число входят "Тарих-и нисф-и джахан ва хама-йи джахан" (история Исфахана, литографирована в Исфахане без года издания; упомяну-та у Стори); "Макамат-и хазрат-и Хаджа Накшбанд" (житие Баха ад-дина Накшбанда, составленное в 1401 г.; Бухара, 1910); беһаитское сочинение "Дала'ил ал-ирфан (Бомбей, 1895) и др. Ряд имеющихся в собрании сочинений XVIII-XIX вв., посвященных жизнеописаниям индийских суфиев и касающихся теории и практики суфийских орденов, действовавших на территории Индии, не отмечен в известных каталогах.

4. Литографии собрания изданы в разных странах. Наибольшее число составляют индийские издания. Около 1/3 собрания представляют иранские издания; имеется довольно значительное число туркестанских изданий и небольшое количество литографий, изданных в России, Европе, Афганистане.

Среди индийских изданий преобладают бомбейские. В нашем собрании представлена продукция 20 бомбейских печатен (большое место в ней занимают литографии, изданные Мухаммад Малик ал-Куттабом Ширази или при его содействии). Примерно равное число литографий издано фирмой Мунши Невад Кимора в Лакхнау и Канпуре.

5. Работа над литографиями показывает, что в истории персоязычной литографической печати выделяются

три основных этапа:

1) В первой половине XIX в. основное место занимает издание сочинений, ранее представленных в рукописях, т.е. произведений классической поэзии, средневековых сочинений по истории, географии, богословию и т.д.

2) Во второй половине XIX в. – начале XX в., в период, когда литография стала основной формой издания книг на персидском языке в Иране и Индии, значительное место в литографской продукции занимают произведения современных авторов.

3) Во втором десятилетии XX века литография в Иране вытесняется наборной печатью. Литографируются большей частью лишь определенные виды литературы, в частности, календари и школьные учебники.

О.П.Петрова

КОЛЛЕКЦИЯ КНИГ ДАЙКОКУЯ КОДАУ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКО-ЯПОНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

1. Обнаружение и изучение первого в России рукописного каталога дальневосточных книг Академии Наук, составленного Иваном Буссе в 1798 году на латинском языке, позволило выделить остававшуюся до сих пор неизвестной старейшую в нашем собрании коллекцию японских книг, принадлежавшую Дайкокуя Кодая – японскому капитану судна "Синсёмару", погибшего в 1783 году у острова Амчитка Алеутского архипелага.

2. Возвратившийся в 1798 году с экспедицией Адама Лаксмана на родину, Дайкокуя Кодая явился первым в Японии информатором о России, познакомившим японцев с русским языком и письменностью. С его слов японским ученым Кацурагава Хосю был составлен первый русско-японский словарь.

3. Книжки Кодая послужили важными источниками для познания Японии в России конца XVIII – начала XIX века.

4. Подбор книг Кодав, надписи и приписки на них помогают восстановить облик японского интеллигента второй половины ХУШ в., а также дают представление об объеме его познаний в русском языке, скрывавшихся им от сёгунского правительства.

5. Маргиналии на книгах, написанные по-японски русскими буквами, дают ценный материал для исторической фонетики и диалектологии японского языка.

6. Выявление коллекции Дайкокуя Кодав, личность которого привлекает большой интерес как в Советском Союзе (работы В.М.Константинова), так и в Японии (исследования Т.Камэи и др.), служат дальнейшему укреплению научных и культурных связей между обеими странами.

В.А.Лившиц

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ХОРЕЗМИЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ХОРЕЗМА

1. Исследования, проведенные в течение последних 30 лет, позволили установить характерные черты фонетической системы и грамматической структуры хорезмийского языка в последний период его существования (XI-XIV вв.), а также выяснить основные особенности исторического развития хорезмийского языка и определить его место среди восточнотуркестанских языков. Эти исследования (А.А.Фрейман, В.Б.Хеннинг, М.Н.Боголюбов) базировались на изучении хорезмийских текстов XII-XIV вв. (в большинстве своем сопровождаемых арабским и персидским переводом), написанных арабско-персидским письмом, приспособленным для передачи хорезмийского консонантизма. Орфография этих текстов, довольно единообразная, по основным признакам сходна с написанием хорезмийских терминов в сочинениях ал-Беруни.

2. Для доисламского периода единственными памят-

никами хорезмийской письменности (арамейского происхождения) в течение долгого времени оставались монетные легенды и надписи на серебряных чахах. Попытки их чтения предпринимались неоднократно; наибольший по количеству монет и разнообразию их типов материал был исследован С.П.Толстовым, предложившим реконструкцию древнехорезмийского алфавита и правильное чтение титулов царей Хорезма на монетах. В чтении царских имен С.П.Толстов следовал за генеалогическими списками, приведенными в "Хронологии" Беруни ("династия Африга").

3. Новые памятники древнехорезмийской письменности были открыты в 1948-1959 гг. благодаря работам Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. Среди них наибольшее значение имеют документы из архива дворцового комплекса Топрак-калы (дерево, кожа, отпечатки на глине), датированные, как сейчас установлено, периодом 180-280-х годов неизвестной эры, а также надписи на керамических фрагментах. Чтение документов топрак-калинского архива, начатое С.П.Толстовым и продолженное автором данного сообщения, еще далеко от завершения. В настоящее время можно выделить группу текстов (на дереве), фиксирующих состав больших семей, а также многочисленные фрагменты хозяйственных записей и реестров, регистрирующих поступления продуктов (муки, вина и др.); в этих записях упоминаются, в частности, взносы на культовые нужды.

4. Наиболее перспективными на нынешнем этапе исследования оказались хорезмийские надписи на оссуариях, довольно многочисленные (свыше 100), обнаруженные в 1962 и 1964 гг. при раскопках некрополей на городищах Тов-кала и Гяур-кала (область средневекового Кердера). Эти надписи, датируемые по археологическим (и палеографическим) данным VII - первой половиной VIII вв., позволяют составить представление о письменности Хорезма накануне арабского завоевания; сопоставление их с доку-

ментами Топрак-калы и более ранними надписями на керамике дает возможность проследить развитие хорезмийского алфавита на протяжении целого тысячелетия.

5. Надписи на оссуариях содержат даты — год (630–730 гг. неизвестной эры), месяц и день, последние — в терминах зороастрийского календаря. К настоящему времени удалось истолковать II названий месяцев и около 20 наименований дней, что позволяет в одних случаях исправить, в других подтвердить чтения соответствующих терминов в "Хронологии" Беруни, остававшихся до самого последнего времени единственным источником для суждения о календаре домусульманского Хорезма. Сопоставление датировок оссуарных надписей с нумизматическими материалами с Ток-калы приводит к выводу о том, что начало хорезмийской эры, представленной в трех группах памятников (документы Топрак-калы, надписи на торевтике, надписи из Ток-калы), должно быть отнесено к периоду 10 г. до н.э. — 10 г. н.э. Тем самым ставятся под сомнение данные Беруни о существовании эры Африга (начало ее, согласно "Хронологии", приходится на 304–305 гг. н.э.) — она не представлена в известных хорезмийских памятниках. Должна быть отвергнута (как не подтверждаемая нумизматическими данными) версия С.П.Толстова, согласно которой в хорезмийских памятниках Топрак-калы и Ток-калы отражена эра Канишки (Шака), начало которой относят к 78 г. н.э.

6. Принятие в период между 10 г. до н.э. — 10 г. н.э. нового летоисчисления было связано, по всей вероятности, с приходом к власти в Хорезме новой династии, преемственность которой (и, соответственно, эры) сохранялась по крайней мере до 50-х гг. III в. С приходом этой династии связан выпуск монет; иконографический их тип также сохраняется по крайней мере до середины III в. Как показало исследование, проведенное совместно с Б.И.Вайнберг, характер монетных легенд оста-

ется достаточно стабильным (для подавляющего большинства эмиссий) на протяжении всего этого периода. Для конца VII – первой половины VIII века отмечается выпуск серебряных монет, на которых имя правителя засвидетельствовано в двух вариантах: хорезмийским письмом и (на другой стороне) согдийским письмом и в измененной (согласно нормам согдийского проназвания) фонетической форме.

7. Чтение монетных легенд показало, что имена царей Хорезма (до VIII в.), приведенные в генеалогических списках "Хронологии" Беруни, не соответствуют в большинстве своем царским именам на монетах. Эти расхождения, как правило, не могут быть объяснены деятельностью переписчиков "Хронологии". Беруни, хорошо знавший хорезмийский язык и составивший недомедную до нас историю Хорезма, не располагал надежной информацией о правителях Хорезма первых веков н.э.

8. Новые памятники дают возможность установить некоторые особенности хорезмийской системы идеограмм сравнительно с тремя ранее известными иранскими гетерографическими письменностями (среднеперсидской, парфянской, согдийской) и наметить ряд черт исторического развития хорезмийского языка. Они содержат данные по истории зороастризма, а также материалы, характеризующие уровень общественного развития Хорезма.

Р.А.Хроль

ЛИЧНОСТЬ ЧЭНЬ ШЭ – РУКОВОДИТЕЛЯ ПЕРВОГО НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ В КИТАЕ – В ОСВЕЩЕНИИ СЫМА ЦЯНЯ

1. Основные сведения о батраке Чэнь Шэ, в 209 г. до н.э. поднявшем первое великое народное восстание против централизованной китайской империи, восходят к 48-й гл. "Записей историка" Сыма Цяня. Для того, чтобы получить верную картину восстания, необходимо учесть принципы, по которым Сыма Цянь в данном случае отби-

рал материал, отношение историка к личности Чэнь Шэ.

2. Долгое время в науке спорили о том, правомерно ли было — с точки зрения иерархической системы построения "Записей историка" — отводить жизнеописанию Чэнь Шэ место в разделе "Наследственные дома". Это привлекло внимание к вопросу об отношении историка к Чэнь Шэ. Недавно была сделана попытка по-новому осветить это отношение. Ряд исследователей утверждает, что Сыма Цянь воспеал Чэнь Шэ как вождя угнетенного и восставшего народа, которому сочувствовал и чаяния которого в определенной мере отражал. Это имело большое значение для сопротивления народа в эпоху феодализма и выгодно отличало Сыма Цяня от ортодоксального историка Бань Гу, как бы "понижившего Чэнь Шэ в ранге" тем, что в своей истории он переместил его жизнеописание в раздел "Биографии". Некоторые объясняют высокую оценку, по их мнению, данную Сыма Цянем вождям крестьянского восстания, тем, что историк увидел основное противоречие феодального общества и понял, что такие восстания в конце концов приведут к гибели правящего класса.

3. Представляется, что подобные взгляды являются результатом модернизации идей Сыма Цяня. Признавая закономерность восстания против династии Цинь, историк не был ни оригинален, ни "народен", а просто присоединился к официальной точке зрения. По его мнению, Чэнь Шэ "начал дело", Сян Юй "жестокостью" уничтожил Цинь, а Лю Бан умиротворил Китай и создал империю Хань. И Чэнь Шэ, и Сян Юй стояли в какой-то момент во главе движения, приведшего к власти династию, подданным которой был Сыма Цянь, и в этой мере заслуживали восхваления. С другой стороны, не они, а Лю Бан основал империю, и это нуждалось в объяснении. Сыма Цянь (вопреки мнению некоторых исследователей) не считал Чэнь Шэ "совершенно мудрым царем", равным "Тану и У", — "ве-

ликим сверхмудрым" он считал Лю Бана. Историк подчеркивал значительность не самого Чэнь Шэ, а дела, которое тот начал. Личность же крестьянского вождя Сыма Цянь (вслед за Цзя И) оценивал весьма низко, говоря, что он не был ни достойным, ни способным человеком.

4. Бань Гу не имел никаких новых фактов о Чэнь Шэ и конкретно оценивал его так же, как Сыма Цянь. К тому же в его истории не было раздела "Наследственные дома", куда он мог бы поместить биографию Чэнь Шэ. Но при этом, видимо, у него, и, во всяком случае, у его отца Бань Бяо было другое общее отношение к Чэнь Шэ. Это отношение, как и в случае с Сыма Цянем, определялось официальной оценкой Чэнь Шэ. Если при Западной Хань императоры выполняли функцию, подобавшую наследникам Чэнь Шэ, заботясь о жертвоприношениях на его могиле, то при Восточной Хань, подданным которой был Бань Гу, жертвоприношения духу Чэнь Шэ прекратились.

5. Анализ биографии Чэнь Шэ подтверждает, что Сыма Цянь был невысокого мнения о его личности. Некоторые приведенные там материалы компрометируют крестьянского вождя. Такова история о том, как Чэнь Шэ и У Гуан, готовя восстание, подстроили ряд фальшивых "знамений", чтобы объявить Чэнь Шэ царем. Она представляет собой письменную фиксацию слуха, имевшего целью выставить Чэнь Шэ обманщиком, лишенным поддержки небес. Другой рассказ сообщает о том, как Чэнь Шэ обещал своим товарищам-батракам не забыть их, если он станет богатым и знатым, и как, сделавшись царем, он казнил одного из них, после чего другие ушли от него. Здесь Чэнь Шэ охарактеризован как обманщик и жестокий человек. Последнюю черту иллюстрируют и сообщения Сыма Цяня о том, что Чэнь Шэ казнил ряд своих приверженцев и доверился жестоким чиновникам, в результате чего потерял сторонников и потерпел поражение. Не следует принимать эту характеристику за чистую монету и придавать ей слишком

большее значение. Обман, в частности неверность слову, и жестокость в управлении были чертами, которые Сыма Цянь весьма осуждал. Он отметил их не у одного только Чэнь Ша, но у ряда правителей, а отсутствие гуманности в управлении считал одной из важнейших причин гибели царств вообще. Поэтому не исключена возможность, что в данном случае мы имеем дело с известной стилизацией образа исторического лица. По-видимому, решающую роль в поражении Чэнь Ша сыграла не столько его "бесчеловечность", сколько локальный характер восстания против династии Цинь, измены отдельных вождей и т.п.

А.Г.Дундин

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ГОСУДАРСТВ ЮЖНОЙ АРАВИИ (САБЕЙСКИЙ ЭПОНИМАТ)

1. Исследование сабейского календаря и датировки, опубликованное А.Бистоном, позволило доказать принадлежность эпонимам ряда сабейских надписей, эстампажи с которых хранятся в Австрийской Академии наук, и интерпретировать эти надписи, как фрагменты единого списка эпонимов.

2. Подготовка публикации этого списка, предпринятая по любезному предложению Австрийской Академии, значительно расширила имеющийся материал по сабейскому эпонимату и позволила сделать важные научные выводы: А. Установить систему эпонимата (генеалогический порядок последовательности эпонимов и принцип очередности эпонимата в трех сабейских родах и племенах: Ҳазфарам-Ҳалил, Фадаҳам - 'Ад'ил и Ҳазмат-Нузҳат/?/) и его продолжительность - 7 лет.

Б. Датировать время возникновения сабейской культуры и сабейского государства XI в. до н.э. (при существовавших датах - VIII или V вв.).

В. Реконструировать последовательный список са-

бейских эпонимов племени Халил и правителей Саба⁷ для периода протяженностью ок. 800 лет (с сер. XI в. до н.э. до нач. III в. до н.э.).

3. Применение установленных принципов к материалу надписей периода царей Саба⁷ и зу-Райдана принесло новые успехи. Удалось:

А. Доказать связь с эпонимом новой категории надписей и тем дополнительно расширить имеющийся материал и выяснить новые функции эпонимов.

Б. Воссоздать список эпонимов для периода с нач. II в. н.э. по конец III в. н.э. (почти 200 лет) и датировать сабейских правителей этого периода, наиболее запутанного и сложного в сабейской истории. Полученные датировки совпали с датировками, недавно предложенными Ж.Рикмансом для этого же периода на основании совершенно иных принципов и на ином материале.

4. Дальнейшее изучение реконструированного списка позволило выявить закономерные соответствия в именах эпонимов и установить причины этой закономерности. Эти данные позволяют заполнить лакуну между списком эпонимов племени Халил и списком периода царей Саба⁷ и зу-Райдана и дать единый непрерывный список сабейских эпонимов с середины XI в. до н.э. по конец III в. н.э., т.е. на протяжении почти 1400 лет.

Таким образом, результатом исследования эпонимата является хронологическая схема всей сабейской истории. Достигнутая точность — 7 лет, для некоторых периодов — 21 год.

5. Этим не исчерпывается значение проведенного исследования. Привлечение новых категорий памятников позволило установить функции эпонимов и первостепенную роль этого института в разных областях жизни сабейцев: от религиозной практики до оросительных работ и вопросов землевладения, вероятно — также в судебной и законодательной практике.

6. Удалось установить, что эпонимы были неизменными членами сабейского "совета старейшин", высшего административного и законодательного органа сабейского государства. По-видимому, дальнейшее исследование института эпонимов позволит установить состав совета старейшин, принципы его комплектования, взаимоотношения между племенами и государством, т.е. важнейшие стороны проблемы перехода от племенного строя к классовому обществу и государству на конкретном материале древнеиemenской цивилизации.

7. Материалы исследования известны лишь частично по предварительным публикациям, но уже сейчас можно сказать, что они вошли в научную литературу и важнейшие их моменты: система эпонимата, основные моменты датировки и т.д. - приняты рядом видных ученых.

О.С.Николаева

ЯВЛЕНИЯ ДЕФОРМАЦИИ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯПОНИИ В КОНЦЕ ХУП-ХУШ вв. (по документам пятидворок)

1. Пятидворки или союзы соседних дворов создавались властями еще в 652 г. В течение ряда столетий до изучаемого периода они исчезали и вновь возрождались под тем или иным названием с теми или иными функциями. Развитие пятидворок в ХУП-ХУШ в. заложено указом 1597 г. В то время и позднее союзы появлялись во многих владениях. Исследуемые материалы относятся к периоду оформления системы пятидворок, т.е. не только повсеместного распространения их, но и составления ими документов (записей). Последние содержат распоряжения чиновников, повторяющие важнейшие указы правительства, клятвенные обязательства крестьян выполнять распоряжения, и списки членов пятидворок.

2. Мы рассматриваем лишь ту часть распоряжений, которая касается коренных вопросов состояния феодализма в

Японии. В документах пятидворок представлены видоизмененные законы, поэтому исходным пунктом изучения служит известное положение о том, что юридические нормы, будучи порождением данных экономических отношений, отражают противоречия общества. Власти организовали систему пятидворок с целью усиления крепостнической политики и введения круговой поруки. Однако, намерения правительства корректировались факторами, обусловленными развитием производительных сил. Поэтому в документах отражается несоответствие между буквой закона и действительной жизнью, а следовательно и изменения аграрных отношений.

3. Распоряжения, касающиеся ренты, землевладения и землепользования направлены на укрепление мелкого надела крестьянина, обрабатывавшего землю крупных феодальных собственников на правах наследственного держателя и платившего натуральный и реже денежный оброк. Однако вскрывается рост землевладения торгово-ростовщического капитала, аренда, а также и фактическая принадлежность наделов крестьянину.

4. Мероприятия правительства говорят об упорной борьбе властей за увеличение массы феодальной ренты, т.к. силой объективного развития общества рента владельца распадается на части. Вскрывается утечка ренты в сферу торгово-ростовщического капитала и в руки государства. Кроме того, втягивание крестьянского хозяйства в товарное обращение приводило к образованию зачаточной или эмбриональной прибыли, а это означало, что известная часть прибавочного продукта оставалась у крестьянина.

5. Источником увеличения массы ренты являлось усиление эксплуатации причем, оно происходило не только путем повышения подати и добавочных сборов, но и путем введения ограничений хозяйственной деятельности и быта земледельца, а также посредством строгого контроля за уплатой всех налогов. Подобные установления широко пред-

ставлены в записях. Одновременно из материалов видно истощение экономической базы хозяйства. Большинство крестьян либо с трудом вело простое воспроизводство, либо разорялось. Расслоение крестьянства, обусловленное указанными причинами, проявляется в распоряжениях различных направлений.

6. Записи показывают и относительный характер крепостничества, ибо отходничество, бегство, кратковременные отлучки жителей прочно вошли в деревенскую практику. Допускается, хотя и косвенно, занятие торговлей.

7. Изложенные выше некоторые черты японского общества можно рассматривать как свидетельство того, что феодализм в Японии находился в стадии упадка, что рентные отношения все в меньшей степени обеспечивали воспроизводство и развитие крестьянского хозяйства.

В.А.Ромодин

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОДОВОЙ ОБЩИНЫ И ФОРМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ У АФГАНЦЕВ

1. История афганцев в новое время дает интересный сравнительный материал для понимания ряда общих вопросов исследования феодального строя, поскольку развитие феодализма, происходившее у многих афганских племен еще в XVIII и XIX вв., сравнительно детально освещается в письменных источниках, которые дополняются сведениями, собранными этнографами. Изучение развития феодализма у афганцев позволяет проследить эволюцию форм феодальной зависимости, изменение родовых обычаев, возникновение частной собственности на землю, переход родовой общины в соседскую и ряд других явлений.

2. В настоящем докладе рассматриваются некоторые вопросы истории родовой общины и форм землевладения у афганских племен, сохранявших до недавнего времени обы-

чай регулярных переделов земли (афг. "веш"). Именно такие афганские племена Пенджаба и Северо-западных границ Индии имел в виду И.П.Минаев, отмечая, что только у них в Северо-западной Индии к 80-м годам XIX века сохранялось "родовое" землевладение. (см. И.П.Минаев, "Землевладение в современной Индии", КМНП, 1883, № II, стр. 132-152).

3. У афганских племен, сохранявших обычай "веш" с переделами земли между ветвями и крупными подразделениями племен, соседская община не сложилась и не могла сложиться. Характер собственности на землю и формы землевладения обуславливали сохранение родовых общин, связанных между собой родо-племенной системой организации.

4. В то же время у тех афганских племен, у которых при наличии родовой общины существовало многочисленное зависимое население ("хамсая", "райят-и хамсая", "фукара"), не имевшее прав на землю, ясно прослеживаются феодальные отношения. У таких племен родовые общины, численность объединений которых иногда (например, в Свате) достигала десятков тысяч человек, могут рассматриваться как пережиток прежних более архаичных отношений. Новые этнографические материалы, собранные в Свате в 50-х годах нашего века, при сопоставлении с этнографическими данными XIX века и с сообщениями письменных источников XVII в. позволяют в общих чертах проследить эволюцию общественного строя рассматриваемого типа афганских племен и детально рассмотреть формы землевладения, систему родо-племенной организации и вопрос о сохранении родовой общины в условиях феодального строя в XIX - начале XX веков.

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В ЕГИПТЕ I в. н.э.
(община терапевтов)

1. Терапевты - аскетическая община египетских иудеев, главный центр которой находился около Александрии. Удалившись от окружающего мира, полного, по их мнению, несправедливости и порока, терапевты пытались в рамках замкнутой религиозной общины осуществить свой идеал благочестивой и справедливой жизни, усиленно занимаясь изучением священных книг и совершенствуя свои добродетели.

2. Единственный источник об этой общине - трактат Филона Александрийского *De Vita Contemplativa* (О созерцательной жизни) I в. н.э.

3. В XIX веке вокруг трактата и терапевтов происходила оживленная дискуссия. Оспаривалась подлинность трактата и реальное существование терапевтов. Сейчас и подлинность трактата и существование терапевтов считаются общепризнанными. Однако остается вопрос о возможности причисления терапевтов к общему есеейскому движению и о месте терапевтов в этом движении.

4. Целый ряд общих моментов, которые обнаруживаются при сопоставлении данных о терапевтах и ессеях, позволяют поставить этот вопрос. К таким общим моментам относятся отход от официального иудаизма, общинно-коллективистский характер жизни, отказ от частной собственности, осуждение рабства, общие трапезы сакрального характера, индивидуальное самоусовершенствование, аллегорическое толкование священных книг, по-видимому, отказ от кровавых жертвоприношений. В настоящем докладе мы остановимся лишь на двух аспектах этого вопроса.

5. Одним из наиболее существенных моментов сходства является осуждение терапевтами и ессеями институ-

та рабства, как противоречащего законам природы, и отказ от рабского труда в своей среде.

6. Весьма важным, но выдвигаемым пока в качестве рабочей гипотезы, моментом сходства может оказаться особый календарь, применявшийся Кумранской общиной и терапевтами. Исследователям удалось установить на основе некоторых данных кумранских рукописей и апокрифических Книг Юбилеев и Еноха, что члены Кумранской общины пользовались особым календарем, отличным от официального иудейского календаря. В то время как официальный иудейский календарь был лунным, Кумранская община пользовалась солнечным календарем. Исходя из указания Филона, какое значение придавали терапевты числу 50, выведенному из прямоугольного треугольника, а также из того, как Филон связывает принцип прямоугольного треугольника с годичным движением солнца, и сопоставив это с данными кумранского календаря, можно предположить, что у терапевтов тоже был солнечный календарь. Подтверждением этого может явиться, вероятно, и особое отношение ессеев и терапевтов к солнцу.

7. Необходимо отметить, что помимо сходных моментов имеется и целый ряд различий, которые могут объясняться специфическими условиями жизни и чуждыми влияниями окружающей среды. Однако несмотря на эти различия, терапевтов можно рассматривать как египетскую ветвь ессеиско-кумранского движения.

8. Проблема терапевты-ессы - Кумран представляет интерес еще и потому, что идеи этого движения питали зарождающееся христианство.

А.С.Мартынов

ДИПЛОМАТИЯ НАКАНУНЕ МАНЬЧЖУРСКОГО ПОХОДА В НЕПАЛ (1791-1792 гг.)

1. Представленный доклад посвящен разбору дипломатической деятельности в канун непальской войны 1791-

1792 гг. Данное событие интересует автора не как звено в событийной цепи, а как динамическое воспроизведение частной системы с целью выяснения структуры более общей системы — маньчжурской империи. В соответствии с поставленной задачей в докладе сделана попытка выяснить прежде всего "схему" данного события, оставляя в стороне причинно-следственный аспект.

Главным источником работы является сборник официальных документов "Корка цзилуе". Большая часть материала впервые вводится в научный обиход.

2. В 70-80-х годах XVIII века произошло серьезное обострение отношений между Тибетом и Непалом. Основная причина разногласий коренилась в системах денежного обращения Непала и Тибета. Путем переговоров эту проблему урегулировать не удалось, и дело дошло до того, что в 1788 году непальцы напали на Тибет. Тибетцы поспешили согласиться на возобновление переговоров, а маньчжурский двор отправил в Тибет для расследования специальную миссию. Так в 1789 г. в южном Тибете начались маньчжурско-тибетско-непальские переговоры.

3. Первый тур переговоров имел совершенно ясную структуру. Он распадался на тибетско-непальские и маньчжурско-непальские переговоры. Основанием для такого деления служит то, что эти переговоры были отделены друг от друга в пространстве и времени, что они имели совершенно разные предметы обсуждения, разные формы решения и кончились совершенно различными результатами.

Тибетско-непальские переговоры: проблема — денежное обращение, форма решения — двухстороннее соглашение, главный результат — Тибет согласился уплатить Непалу контрибуцию в 900 слитков серебра.

Маньчжурско-непальские переговоры: проблема — нарушение мира на тибетско-непальской границе, форма решения — согласие на приезд с данью в Пекин, важнейший результат — установление регулярных отношений между

маньчжурской империей и Непалом.

4. Второй тур состоялся в Лхасе в 1790 году, когда из Непала в Тибет прибыла специальная миссия для продолжения переговоров. Как и в первом туре дипломатическая активность и на сей раз развивалась в двух совершенно различных направлениях.

Маньчжурско-непальские переговоры: предмет обсуждения - условия установления регулярных отношений и предстоящая поездка непальцев с данью в Пекин, переговоры не привели ни к какому результату.

Тибетско-непальские переговоры: предмет обсуждения - проблема денежного обращения и выплата контрибуции, переговоры не привели ни к какому результату.

5. Третий тур состоялся в 1791 году на тибетско-непальской границе. Переговоры были прерваны в самом начале нападением непальских войск на Тибет. Военные действия не пресекли совершенно дипломатическую деятельность. Однако, в новых условиях последняя приобрела иные цели, формы и методы и потому должна служить предметом особого исследования.

6. Вывод: "двухканальная" и "двухпредметная" схема, повторившаяся в обоих турах переговоров, имела не случайный, а закономерный характер.

Данный вывод может представлять интерес для изучения структуры маньчжурской империи.

Е.И.Васильева

КУРДСКИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА В ХУІ в. (по материалам "Шараф-наме")

1. ХУІ-й век в истории курдского народа занимает особое место, являясь во многих отношениях переломным, определившим дальнейшую судьбу курдов.

2. К началу ХУІ в. Курдистан представлял собой пеструю картину наследственных княжеств и эмиратов.

Турция и Иран юридически не признавали государственной самостоятельности курдских феодальных княжеств. Но тем не менее, они давали им дарственные грамоты, которые, в сущности, свидетельствовали о фактическом признании суверенности этих княжеств.

3. В XVI в. начинается непрерывная борьба между Ираном и Турцией за обладание Курдистаном и Арменией. Ареной этих разорительных войн стал Курдистан.

4. В 1514–15 г. произошел насильственный раздел Курдистана между Турцией и Ираном. Т.к. официальная граница раздела установлена не была, то курдские эмираты и племена в зависимости от политической ситуации объявляли себя подданными то Ирана, то Турции.

5. Османские султаны и сефевидские шахи не смогли внедрить в Курдистане свои соц.-экономические порядки и административное право. Несмотря на все старания османского правительства распространить на Курдистан административную систему деления на округа (санджаки), рассчитанную на децентрализацию власти курдских эмиров и низведение их до степени держателей военно-ленных пожалований (санджаков, зи'аметов, тимаров), несмотря на целый ряд мероприятий, направленных на установление реальной власти над курдами (проведение кадастровой переписи в отдельных областях, передача управления некоторыми районами османским эмирам и т.д.), многие курдские эмираты и племена фактически сохранили полунезависимое положение. Стремление османского правительства полностью подчинить целый ряд курдских эмиратов и племен (Хеккари, Джезири, Имадийе, Агила, Пало, Ширван, Сасун; племена мукри, берадост, махмуди, думбули, сийях-мансур, бабан) оставались безуспешными.

6. Во главе всех вышеназванных княжеств оставались курдские наследственные династии, которые являлись вассалами Ирана и Турции. Отношения этих княжеств с центральной властью и их границы часто менялись в за-

висимости от политической ситуации. Однако, при всем этом, им всегда удавалось сохранять полунезависимое положение, а в отдельных случаях на определенный срок пользоваться полной независимостью.

О.Д.Фишман

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ В КИТАЕ

(к проблеме периодизации китайской литературы)

1. До сих пор в китаеведении бытует периодизация историко-культурных процессов по династийному принципу. Существует мнение, что смена крупных династий в Китае (в отличие от большинства европейских государств) отражала коренные сдвиги в экономической, политической и общественной жизни страны. Тем не менее, подобная периодизация не только не состоятельна терминологически, но и не отражает всей специфики как историко-культурного, так и собственно литературного процессов. В ряде случаев "династийная" периодизация искусственно разделяет единый процесс литературного развития, вносит ненужную дробность в характеристики развивающихся литературных явлений и жанров.

2. Представляется правильной историко-культурная периодизация китайской литературы, отражающая развитие литературы, как единого процесса, прошедшего, в основном, те же этапы развития, что и другие литературы мира.

3. В ходе своего развития китайская литература прошла этапы, весьма близкие в своих основных чертах эпохам Возрождения (УШ-ХУІ вв.) и Просвещения (ХУП-ХІХ вв.).

4. Ведущим литературным жанром эпохи Просвещения в Китае был сатирический роман, вооравший в себя основные особенности просветительской идеологии и того худо-

жественного метода, который во многом перекликается с просветительским реализмом XVIII века на Западе.

5. Вместе с тем, литература китайского Просвещения имела и свою национальную специфику, определяемую иными историческими условиями по сравнению с литературой Европы.

6. Просветительский роман дает универсальную критику устаревших форм жизни с позиций новой гуманистической морали, предполагает формирование характера отдельной личности, ее духовного и нравственного облика в зависимости от "условий жизни", от происхождения, среды, социального положения данной личности.

7. Рассмотрение китайского сатирического романа как явления литературы эпохи Просвещения, установление того нового, что дали просветительские идеи и метод просветительского реализма китайской литературе, позволяет во многом по-новому подойти к процессу развития китайской художественной прозы.

Р.Р.Орбели

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГРУЗИНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ XVIII в.

1. В истории культуры грузинского народа особое место принадлежит XVIII в., как периоду совершенно своеобразному, глубоко отличному от предшествовавшего ему длительного пути развития грузинской культуры и издавна сформировавшихся традиций.

2. Своеобразные особенности грузинской культуры XVIII в. были определены историческими событиями, направившими Грузию к политическому и государственному сближению с Россией. XVIII век - период новых для Грузии культурных взаимоотношений и воздействий, вызванных тесным общением с Россией, а также и с Западной Европой.

3. Непосредственное общение создавалось путем отправки грузинских посольств в Россию и в страны Запад-

ной Европы, прибытием католических миссионеров в Грузию, переселением части грузин в Россию и образованием грузинских колоний в Москве и Петербурге, состоянием некоторых грузин на гражданской и военной русской службе и другими факторами.

4. Выдающаяся роль в общении принадлежала литературе. Грузинская письменность XVIII в. — богатейший источник для исследователей, еще далеко и далеко не исчерпанный. По литературным данным можно проследить все стороны общественной и культурной жизни грузинского народа, жившего как на территории Грузии, так и за ее пределами.

5. Придя на смену периоду длительного упадка, вызванного войнами и нашествиями на Грузию со стороны восточных соседей, XVIII век явился эпохой большого подъема — эпохой Просвещения. Передовые представители грузинского общества обращаются к самым разнообразным образцам литературы с целью просветительства. Появляется новый тип грузина — эрудита, воспитанного под воздействием не только национальных и восточных традиций, но и европейской образованности. 30–60 гг. XVIII в. — время отхода от интересов к восточной культуре и литературе и возрастания интереса к культуре русской и западноевропейской.

6. В ряду памятников русской и западноевропейских литератур, переведенных в XVIII в. на грузинский язык, весьма важная роль принадлежала сочинениям исторического, философского и военного содержания. В этом ряду значительное место занимают сочинения Роллена, Вольтера, Ансильона, Кларка и Лейбница, Ломоносова, а также военные артикулы и труды по артиллерии. Вопросы, связанные с распространением этой литературы во множестве списков, имеют прямую связь с задачами просвещения.

А.Д.Желтяков

Ю.А.Петросян

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ТУРЦИИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

I. Светское образование зародилось в османской Турции в конце XVIII в., будучи стимулировано административными и, особенно, военными реформами султана Селима III, ставившими своей задачей укрепление абсолютистской власти. Этот процесс проходил в условиях начинавшегося распада империи и все возрастающего влияния европейского капитализма на Турцию. Характерной чертой зарождения светского образования в Турции было появление первых специальных военных учебных заведений в то время, когда вся система общего образования целиком находилась в руках духовенства.

II. Первой попыткой установить правительственный контроль над начальной школой и придать ей светский характер была реформа 1846 г. Однако реальные результаты указа 1846 г. выразились лишь в создании немногочисленных начальных школ второй ступени — рюштие, а также в появлении нескольких гражданских специальных учебных заведений для подготовки, главным образом, чиновников и учителей.

III. Переломным периодом в истории просвещения в Турции были 60–70 г.г. — время зарождения и постепенного развития буржуазно-либеральных конституционных идей. "Органический закон о народном образовании" 1869 г. впервые определил структуру и содержание всех ступеней светского образования от начального до высшего. Появились новые светские начальные школы первой ступени, существенно расширилась система школ рюштие, были организованы первые средние учебные заведения — идадийе и лицеи. Были сделаны первые шаги на пути созда-

ния Университета. Реформы образования в этот период проходили под сильным влиянием Франции.

IV. Наметившийся прогресс просвещения был заторможен крайним усилением феодально-абсолютистской реакции в годы правления Абдул-Хамида II. Значительный ущерб светскому образованию был нанесен резким усилением религиозного влияния и цензуры во всех звеньях образования и просвещения. Все большим тормозом на пути развития буржуазной национальной культуры в Турции становился в эти годы иностранный империализм. Особое место в этом процессе принадлежит иностранным учебным заведениям в Турции. Тем не менее, процесс развития светского образования в конце XIX — начале XX в.в. продолжался и выразился в росте численности светских школ, открытии многих частных учебных заведений, некотором развитии педагогической мысли, создании учебников.

V. Младотурецкая революция 1908 года на первых порах способствовала развитию просвещения. В условиях общего оживления в политической и культурной жизни страны светские школы освободились от ограничений абдулхамидовского режима, увеличилось число самых различных светских школ, стало развиваться женское образование. Однако, младотурецкое руководство, занятое политическими распрями и вскоре вставшее на путь внешнеполитических авантур, было не способно решить коренные проблемы народного образования, и подавляющее большинство населения Турции оставалось неграмотным.

VI. Новое время было периодом ломки старых, феодально-мусульманских форм и норм образования и создания новых, буржуазных. В этот период сложилась вполне законченная по форме система светского образования. Светская школа способствовала распространению положительных знаний, становлению и развитию национального самосознания турецкого народа.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КИТАЙСКИХ ЭТИЧЕСКИХ УСТАНОВЛЕНИЙ И ЕЕ ОТРАЖЕНИИ В БУДДИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1. Принцип сыновней почтительности, включающий, кроме почтения к родителям, также почитание предков, является одним из основных этических установлений Китая на протяжении всей его истории. Поэтому ни одна религия или философское учение, пришедшие в Китай извне, не могли с ним не считаться. Буддизм в этом отношении не составляет исключения.

2. Проникнув в Китай в I в. н.э., буддизм столкнулся прежде всего с обвинениями со стороны конфуцианцев в отрицании принципа сыновней почтительности. Конфуцианцы, взгляды которых в этом отношении базируются на "Книге сыновней почтительности" (Сяо цзин), связывают этот принцип с государственной службой: человек полностью соблюдает этот принцип только тогда, когда он добивается успеха на чиновничьем поприще и тем самым прославляет свой род и своих предков.

3. Буддизм противопоставляет конфуцианскому принципу другой принцип: наивысшим выражением сыновней почтительности является замаливание грехов родителей и освобождение их от вечных мук после смерти. Эту идею мы находим в таких буддийских сутрах, извлеченных из более обширных сочинений, как "Сутра о трудности воздаяния за родительскую любовь" (Фу-му энъ нань бао цзин, II в.), "Сутра об отцепотчительном сыне" (Сяо цзы цзин, IV в.), "Сутра об улламбане" (Юйланьпинь цзин, IV в.).

4. Дискуссия между конфуцианцами и буддистами по этому вопросу продолжалась и после и нашла свое выражение в антибуддийском "Трактате о трех разрушениях" (Сань по лунь, конец V в.), где неизвестный автор обвиняет буддизм в покушении на целостность самого

человека, на семью и на государство. Среди буддистов в начале VI в. против этого трактата выступают Ли Се в "Трактате об уничтожении заблуждений" (Ме хо лунь) и Сэн-шунь в "Разъяснениях на трактат о трех разрушениях".

5. Однако, господствующей точкой зрения в это время является не конфуцианская, а народная, практическая: сыновняя почтительность означает заботу о родителях и жертвоприношения предкам. Это понимание выражено в многочисленных сборниках III-VI вв., которые все носят название "Жизнеописания отцепочтительных детей" (Сяо цзы чжуань). Буддизм, проповедь которого обращалась к широким народным массам, не мог не считаться с этим.

6. В VII-VIII вв. чувствуется стремление буддизма приспособить свое понимание сыновней почтительности к распространенному, практическому. В результате появляется апокрифическая "Сутра о силе родительской любви" (Фу-му энъ чжун цзин), где на первом месте стоит уже забота о родителях и их почитание. Эта сутра стоит в ряду других апокрифов, так или иначе отражающих приспособление буддизма к практическим понятиям, распространенным в Китае.

7. Особенно ярко приспособление буддизма к практическому понятию сыновней почтительности видно в простонародных произведениях жанра бьяньвэнь: "Бьяньвэнь о Муляне" (Мулянь бьянь), "Бьяньвэнь о воздаянии родителям" (Шуан энъ цзин), "Бьяньвэнь о Шуне" (Шунь цзы бьянь), "Бьяньвэнь о силе родительской любви" (Фу-му энъ чжун цзин цзянцзинвэнь). Здесь полностью отсутствуют какие-либо другие понятия, кроме идеи заботы о родителях и почтении к ним. Таким образом, по крайней мере у буддистов из простонародья, практическое понятие сыновней почтительности полностью побеждает.

ЖАНР БАОЦЗУАНЬ И ЕГО ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

1. В фонде китайских ксилографов ДО ИНА АН СССР хранится небольшая, но ценная коллекция баоцзуань, объединяющая как поздние, так и ранние сочинения этого жанра.

Название баоцзуань закрепилось за определенным литературным жанром в XVI веке. Наряду с этим названием встречаются и другие: чжэньцзин, цзин, баочань, кэи... Баоцзуань уходит корнями к бяньвэнь, Танские бяньвэнь на сюжеты буддийских сутр в период правления династии Сун переросли в сказы на буддийские сюжеты (шоцзин или таньцзин), на которые в дальнейшем оказали влияние гуци, чжугундяо и драма. В результате, в середине эпохи Мин появился самостоятельный жанр простонародной песенно-повествовательной литературы - баоцзуань. Появление и бытование баоцзуань связано с широким развитием движения тайных сект в период правления династий Мин и Цин.

Жанр баоцзуань мало изучен. В Китае им интересовались в 20-30 гг. Среди первых исследователей следует назвать Чжэн Чжэнь-до, Сян Да, Сунь Кай-ди. В настоящее время наиболее ообщающие и глубокие сведения об этом жанре содержатся в работах Ли Ши-дя и японского ученого Савада Мидзую.

Специальные работы на европейских языках, посвященные этому жанру, нам не известны.

2. Историю существования баоцзуань можно разделить на два периода - ранний (начало XVI - середина XIX вв.) и поздний (середина XIX - середина XX в.в.).

Ранние баоцзуань имеют неоценимое значение, в первую очередь, как исторический материал для изучения крестьянских восстаний и ознакомления с верованиями

тайных религиозных сект, вдохновлявших крестьянское движение. Основная задача этих баоцзюань — изложение и проповедь вероучений тайных религиозных сект. Наряду с этим пересказывались даосские и буддийские сюжеты, народные предания. Основным районом распространения баоцзюань раннего периода — север Китая, особенно провинция Хэбэй.

Поздние или новые баоцзюань не имеют никакого отношения к тайным сектам. Появление их связано со стремлением цинского правительства воспитать народ в духе конфуцианской морали. В новых баоцзюань используются сюжеты народных преданий, пьес, романов. В начале XX в. баоцзюань все больше становятся литературой для чтения. Все чаще встречаются книжки на современную тематику. Появляются баоцзюань развлекательного, пародийного свойства.

Таким образом, баоцзюань, начавшие с проповеди вероучений тайных сект, в конце своего развития превратились с одной стороны в произведения литературы развлекательного свойства, с другой стороны — в сочинения морально-дидактического плана.

3. Текст баоцзюань состоит из перемежающихся прозаических и поэтических отрывков, а также арий. Обычно, ранние баоцзюань начинались со "Славословия при зажжении ароматических палочек". Далее следовала "Вступительная гатха". Заканчивался баоцзюань часто "Заключительной гатхой".

Прозаическая часть баоцзюань схожа с прозой других жанров песенно-повествовательной литературы. Поэтическая часть баоцзюань скандировалась при музыкальном сопровождении. Стихи рифмованы, семисложные и десятисложные. Гатхи представляют собой пяти-шести и семисложные стихи. Спецификой баоцзюань являются арии — рифмованный текст, поющийся на определенный мотив. Название мелодии дается в начале арии.

Форма новых баоцзянь в сравнении с формой ранних гораздо свободнее. В некоторых новых баоцзянь может вовсе не быть стихов и арий, а в других может отсутствовать прозаическая часть. Основной формой новых баоцзянь являются семисложные стихи, которые иногда чередуются с десятисложными.

4. Устное исполнение баоцзянь, как ранних так и поздних, было широко распространено в Китае. Исполнение баоцзянь явилось продолжением традиции устного исполнения сутр, бяньвэнь, кэи, хуабэнь.

Первыми исполнителями баоцзянь были буддийские монахи и монахини. Позже исполнением баоцзянь занимались профессиональные актеры-сказители. Исполнители представляли собой группу из пяти-шести человек, из которых один был главным исполнителем. Остальные — помощники, аккомпанировали на музыкальных инструментах и пели хором.

Наибольшего расцвета искусство исполнения баоцзянь достигло в конце XIX — начале XX века на юге Китая, особенно в провинциях Цзянсу и Чжаэцзян.

Е.И.Кычанов

ТАНГУТСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ (ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ИССЛЕДОВАНИЯ)

I. Книга тангутских изречений — замечательный памятник тангутской литературы и один из интереснейших образцов центральноазиатского фольклора. Судя по предисловию и послесловию, составитель сборника Лян Дэ-ян, чиновник Цензората и преподаватель Тангутской Академии, скончался в 1176 г., не завершив своего труда. Лишь через десять лет, в 1186 г., другой ученый Ван Жэнь-чи довел до конца начатое Лян Дэ-яном дело и издал сборник под названием "Вновь собранные драгоценные

(букв. - парчевые) изречения" (Ксилограф, 21,5 x 15 см., сброшюрован "бабочкой", 31 л., 62 стр.).

2. Тангутские изречения (пословицы) представляют собой парные фразы, от 3-х до 18 знаков в каждой, рифмованные и не рифмованные, со смысловым, грамматическим и синтаксическим параллелизмом и строгим параллелизмом цезуры. Напр.: Овец имеющий, занимается скотоводством в горных областях тангутской земли; деньги имеющий, ищет выгоды в торговле с китайскими купцами. Корешок лотоса мал, да горек; шакал зверек маленький, да вредный.

3. Смысловой параллелизм в тангутских пословицах основывается на принципах усиления (Лучше я буду съеден тигром в горах, чем лисицей в низине; лучше я буду плакать вместе с достойным, чем радоваться вместе с подлецом), сравнения (Камень в рисе сто лет вари - каша не сварится; со злобой в сердце десять тысяч дел переделай - толку не добьешься), противопоставления (Птицы отважные, мясом питающиеся, отдыхая, сидят отдельно друг от друга; птицы трусливые, грязью питающиеся, насытившись, в стаи сбиваются), повтора (Пятый месяц, как верблюд, состарится и падет; десятый месяц, как олень, скроется и уйдет).

4. Трудности и проблемы перевода тангутских пословиц связаны не только с наличием и до настоящего времени отдельных нерасшифрованных знаков, но и сложностью перевода встречающихся терминов, напр. родства, терминов социальных и т.п. Скажем, в пословице: "Слово брата твердое - жарче, чем солнце; голос хозяина деревни тихий - холоднее, чем луна", не ясно, что понимать под "хозяином деревни" - ее владельца (феодала) или просто старосту. Переводить рифмованные пословицы русским двустихием трудно, не нарушая подлинной образности первоисточника.

5. Важной проблемой является исследование места

тангутских пословиц среди аналогичных памятников фольклора народов Центральной Азии. Наиболее ранним, известным нам, памятником такого типа являются "Изречения матери Сумпа" (список пословиц из Восточного Тибета, район Сунпань, выходцами из которого, кстати, были и тангуты), найденные в Дуньхуане и датируемые их издателем и переводчиком Ф.В.Томасом приблизительно IX в. По своей форме и отчасти системе образов тангутские пословицы близки тибетским, монгольским, калмыцким, маньчжурским, тувинским, шорским и, в какой-то их части, уйгурским, киргизским, казахским, якутским, китайским. Можно попытаться поставить вопрос о выявлении одного из типов древней центральноазиатской пословицы, хотя, разумеется, вскрытие причин сходства в определенном типе пословиц у указанных народов потребует больших и специальных исследований.

6. Любопытно было бы попытаться установить возможную связь тангутских пословиц и пословиц других народов Центральной Азии с одним из малых жанров китайской литературы, известным как лянцзюй, ляньюй, дуilianь, инлян (парные параллельные фразы). По мнению некоторых китайских авторов, этот жанр появился в китайской литературе в X веке (период У дай, Лю Линь-шэн, История китайского парного стиля, стр. 145) и впервые в Шу, в Сычуани, т.е. области, непосредственно соприкасавшейся с Восточным Тибетом (См. Цуй Ин-шэн, Избранные инлян эпохи Сун, стр. 1а).

С.Г.Кляшторный

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

1. После открытия минусинских рунических надписей была сформулирована первая гипотеза о происхождении знаков енисейского алфавита из "родовых тамг сибирских

татар" (Г.И.Спасский, М.А.Кастрен, Г.Вамбери). Позднее гипотеза о тамговом происхождении древнетюркской письменности была развита И.А.Аристовым и Н.Г.Маллициным. К этой же гипотезе примыкает попытка идеографического истолкования всех знаков рунического алфавита, предпринятая А.Д.Эмре.

2. Дешифровка орхонской рунической письменности позволила В.Томсену сформулировать гипотезу о связи большинства рунических знаков с буквами "семитско-пехлевиийского алфавита", а О.Доннеру - выделить как промежуточное звено между арамейским и руническим алфавитами шрифт легенд парфянских монет начала н.э.

3. Открытие старого согдийского письма позволило Томсену выдвинуть предположение, что именно этот алфавит послужил моделью древнетюркского рунического письма. Развивая предположение Томсена, С.В.Киселев и А.М.Щербак отметили, что местом, где сформировался на основе согдийского древнетюркский алфавит могло быть Семиречье, датируя по палеографическим признакам семиреченские надписи VI-VII вв. Однако, палеографически связанные с семиреченскими енисейские надписи, по новейшим данным, датируются IX-X вв., что лишает подтверждения гипотезу о семиреченском центре происхождения рунического письма.

4. Анализ сведений нарративных источников позволяет предположить, что приспособление старого согдийского алфавита к тюркскому языку происходило на территории Восточного Туркестана в IV-V вв. В процессе приспособления к тюркскому языку согдийский алфавит претерпел существенные изменения; вместе с тем рунический алфавит был обогащен новыми знаками, частью идеографического, частью буквенного характера.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЗНАКИ В ПАМЯТНИКАХ ТАНГУТСКОЙ ПИСЬ- МЕННОСТИ

I. Инвентаризаторы тангутского фонда ЛО ИНА АН СССР не раз отмечали наличие в некоторых книгах и рукописях "неизвестных" знаков. Тангуты иногда использовали для приписок и пагинации письменные знаки соседних народов. Не исключена принципиальная возможность нахождения в памятниках тангутской письменности образцов редкого или исчезнувшего центральноазиатского письма. Все это заставляет обратить на вопрос о "неизвестных" знаках особое внимание.

II. Все "неизвестные" знаки в тангутских письменных памятниках можно разделить на четыре группы:

1) Скорописные знаки. Наряду с встречающимися уйгурскими, тибетскими надписями и надписями индийским письмом ланда во многих рукописях имеются знаки, в которых иногда усматривают сходство с вышеупомянутыми алфавитами. Однако отождествление этих знаков с тангутским уставным письмом наглядно показало, что во всех зафиксированных случаях мы имеем дело со стилизованными скорописными сокращениями обычных тангутских знаков.

2) Нотные знаки. Встречается группа знаков, не поддающихся отождествлению с известными тангутскими идеографами. Э.Гринстед, основываясь на материалах тангутской коллекции Британского Музея и некоторых фрагментах из Дуньхуана, заключил, что это - нотное письмо, почти целиком аналогичное соответствующему китайскому.

3) "Гадательные" знаки. Так именуются сочетания вертикальных, горизонтальных линий и точек. Они встречаются главным образом в текстах, написанных скорописью. Это затрудняет понимание текстов, а, стало быть, и роли неизвестных знаков. В Дуньхуанском фонде ЛО ИНА аналогичные знаки встречаются в гадательных текстах. Оче-

видно, ту же роль эти знаки играли и у тангутов.

4) Личные знаки или тамги. Это - крупные знаки, внешне сильно отличающиеся от тангутского письма. Их форма, величина и место - обычно после подписей и печатей или в конце предложения - давали повод считать их личными знаками или тамгами тех, чьи подписи они сопровождали. Таким образом, долгое время их считали чем-то вроде гербов. Однако, на обложке одного ксилографа сохранилась сделанная от руки надпись из трех знаков. Последние тождественны тамгам. Следовательно, перед нами все-таки письменность. При внимательном рассмотрении почти во всех "тамгах" можно обнаружить графические элементы обычного тангутского письма. В их числе - некоторые, наиболее характерные, которые большинством исследователей рассматриваются как детерминативы. Аналогичное явление наблюдается в японских рукописях. Там после печатей и подписей помещены иногда расшифровки легенд печатей, написанные стилизованными иероглифами. Этот факт, а также самостоятельное употребление интересующих нас знаков говорят о том, что перед нами - один из почерков тангутского письма, сильно стилизованного. Среди особенностей этого почерка можно отметить введение элемента, крайне редкого в тангутской графике - горизонтальной черты снизу.

В настоящий момент конкретное значение многих знаков нам еще не ясно.

С.И.Баевский

УНИКАЛЬНАЯ РУКОПИСЬ ПЕРСИДСКОГО СЛОВАРЯ XIУ в.

فرهنگ زفانگوي و جهانوي

I. В рукописных хранилищах мира содержатся лишь единичные манускрипты персидских толковых словарей (фархангов) XI-XIV вв. Вместе с тем, имеются данные, что существовали другие ранние словари, не сохранившиеся до

нашего времени. Одним из фархангов XIV в., известным в науке до последнего времени только по упоминаниям в трудах лексикографов XV и последующих веков, использовавших его в качестве источника, был толковый словарь персидского языка "Зафангуи" некоего Бадр ад-Дина.

2. Обнаруженная нами в фундаментальной библиотеке Ташкентского университета рукопись этого словаря, переписанная Арабом Насафи, по-видимому, в начале XIII в. в Средней Азии (В 09/292; 55 л., 18 строк, начало отсутствует; рукопись не была опознана - числилась под условным названием "Фарханг-намэ"), позволяет охарактеризовать это считавшееся утраченным сочинение.

3. Словарь делится на семь частей (бахш). Каждый бахш представляет собой отдельный словарик, слова в котором расположены соответственно первой букве, образующей главы (гунэ), следующие в порядке персидского алфавита. Внутри глав толкуемые слова расположены по последней букве, образующей разделы (бахр).

Бахш I, без названия (лл. 1а-28б), толкует общий круг персидской лексики; содержит 23 гунэ. Бахш II "О словах дари" (лл. 28б-36а) включает общую лексику персидского языка, главным образом в ее литературном употреблении; 21 гунэ. Бахш III "О словах пехлевиjsких и дариjsких" (лл. 36а-39б) поясняет только инфинитивы, преимущественно архаичные; 23 гунэ. Бахш IV "О словах арабских" (лл. 39б-43б) толкует арабские слова, большей частью слова-термины, названия реалий, имевшие употребление в персидском языке; 28 гунэ. Бахш V "О смешанных словах арабско-дариjsких" (лл. 43б-51а) поясняет вошедшие в персидский язык арабские слова: названия реалий, имена собственные исторических и литературных персонажей, географические наименования; 29 гунэ. Бахш VI "О словах румийских" (лл. 51а-52а) разъясняет древне-греческие, латинские, сирийские слова, в основном

имена собственные, названия месяцев, культовые термины; 16 гуна. Бахш УП "0 словах тюркских" (лл. 52а-54б) толкует элементарный круг тюркской лексики: термйны родства, домашнего обихода и пр.; 17 гуна. Листы 54б-55а занимает небольшое приложение "0 некоторых персидских словах, имеющих метафорическое значение".

4. Словарь представляет собой ценный источник для исторической лексикологии и исторической диалектологии персидского языка. Многие слова сопровождаются двумя-тремя синонимами. Автор приводит диалектные формы, дает арабские и индийские эквиваленты. Для ряда слов указывается произношение (описательно). В качестве подтверждающих цитат автор приводит стихи таких поэтов, как Фирдауси, Сузани, Бузурги, Кабиль.

5. Источниками "Зафангуя" послужили словари Асади Туси (XI в.) и Фахр-и Кавваса (1301 г.). Наш словарь в свою очередь явился источником для ряда известных позднейших словарей: "Фарханг-и Ибрахими" (1473г.), "Тухфат ас-саадат" (1510 г.), "Муайид ал-фузала"; "Мадар ал-афазил", "Фарханг-и Джахангири" и др.

6. В словаре содержится оригинальный лексический материал, отсутствующий в других ранних фархангах. Словарь "Зафангуя" является первым известным персидским словарем, в котором толкуемые слова располагаются по первой букве, в отличие от более ранних фархангов, являвшихся в основном словарями рифм.

М.Н.Зислин

ВОСТОЧНАЯ ШКОЛА ГРАММАТИКОВ ЕВРЕЙСКОГО ЯЗЫКА X-XIII вв.

(По неопубликованным рукописным материалам Государственной Публичной библиотеки им.Салтыкова-Щедрина)

1. Грамматическая система еврейского языка караимов раннего средневековья до последнего времени не была

известна.

2. Эту систему описал иерусалимский грамматик первой половины XI века Абӯ-л-Фарадж Харун ибн ал-Фарадж в сочинениях "Ал-Муштамил" и "Ал-Кāфй".

3. Специфика этих грамматических идей состоит в системе "спряжения" глагола без учета категории породы, но с учетом соотношения первых или последних гласных прошедшего времени и повелительного наклонения и в применении системы "знаков" - 'alāmāt(ун).

4. Дальнейшее развитие этой системы "спряжения" еврейского глагола имеется в другом сочинении (сохранилось в фрагментах), написанном на арабском языке также в Иерусалиме, но другим караимским автором, жившим в середине или во второй половине XI века.

5. Оригинальная система "спряжения" еврейского глагола с помощью "знаков" изложена также во фрагментах сочинения по грамматике, написанного на еврейском языке в городе Гагра, в 1208 году под названием "Me'or 'ayin".

6. Никаких следов такой системы "спряжения" еврейского глагола не имеется в трудах западной, т.е. испанской школы еврейской грамматики (Хаййūdх, Джанах, Нагид, Ибн-Эзра, Кимхинды).

7. Преемственность грамматических идей караимских авторов XI-XIII вв., имевших своих предшественников в Ираке в X веке, дает основание говорить о существовании единой школы грамматиков еврейского языка в восточной части бассейна Средиземного моря в X-XIII вв.

М.И.Воробьева-Десятовская

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ТИБЕТСКОГО ГЛАГОЛА В УШ-XI вв.

I. При исследовании временных форм тибетского глагола, рассматриваемых в аспекте диахронии, исходным пунктом должен явиться анализ значений и функций пре-

фиксов, которым тибетские грамматисты (начиная с УП в.), а вслед за ними и европейские тибетологи приписывают главную роль в выражении временных значений.

2. В соответствии с учением о составе слова, сформулированным Тхонми Самбхотой, тибетская грамматическая традиция для большинства (75%) глаголов выделяет 4 основы: настоящего времени, прошедшего времени, будущего времени и повелительного наклонения.

3. Современные представления об эволюции структуры тибетского языка базируются на теории Конради-Корбера, внесшего в тибетскую морфологию понятия первичного и вторичного корней и основы и установившего основные пути формального и семантического преобразования первичных корней в результате историко-фонетических изменений, префиксации и суффиксации. Следует отметить, что эта теория, верная, несомненно, в своих исходных положениях, не проверялась в деталях по памятникам тибетского языка, представляющим отдельные периоды его развития; особое значение это имеет для проверки выводов Конради-Корбера, касающихся грамматического использования префиксов и суффиксов.

4. Такая проверка была осуществлена путем анализа старейших известных записей тибетской народной литературы, дошедших до нас в центральноазиатских рукописях IX-XI вв. (по изданию F.W.Thomas'a). Эти тексты характеризуются рядом орфографических особенностей, отражающих некоторые фонетические явления (в частности, чередования звонкого, глухого и глухого придыхательного согласного в одних и тех же словах).

5. Проведенная нами сплошная проверка употребления в этих памятниках каждой глагольной формы (в контексте) позволяет установить, что формы с префиксом *б=*, трактуемые большинством тибетологов как основы прошедшего времени, в большинстве своем являются самостоятельными лексическими единицами (самостоятельными глаголами),

употреблявшимися параллельно глаголам с префиксом 'а и вторичными корнями с глухим придыхательным. Для языка этого периода не могут быть определены как грамматические временные показатели и префиксы g=, d=, рассматриваемые обычно как форманты будущего времени. Более трети всех глаголов, отмеченных в данных памятниках (130 из 350), вообще не имеет префиксальных форм; их беспрефиксные основы прошедшего времени отличаются, как правило, от соответствующих основ настоящего времени корневым согласным, претерпевающим ряд изменений (озвончение, оглушение, аспирация), а также чередованием корневого гласного и наличием суффикса.

6. По-видимому, в тибетском языке IX-XI вв., представленном фольклорными текстами, не сформировалась еще система трех временных основ, по традиции считающихся характерными для классического периода. Для IX-XI вв. можно говорить лишь о противопоставлении двух основ, причем в некоторых случаях эти основы, очевидно, воспринимались как самостоятельные глаголы; супплетивность весьма характерна для тибетского основообразования этого периода.

7. Различение двух основ шло, по всей вероятности, не по временному признаку, а с точки зрения видовой характеристики протекания действия (ср. выводы Конради и Шуберта).

Э.А. Юсупова

ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕЛОГИ В СОРАНИ

1. Предлоги и послелоги, выявленные в южном диалекте курдского языка (сорани), являются общими с предлогами и послелогами северного диалекта (курманджи). Однако, несмотря на общность формы, в их структуре и употреблении в ряде случаев наблюдаются моменты значительного расхождения, обусловленные специфическими осо-

бенностями развития каждого диалекта.

2. В отличие от курманджи, где предлоги функционируют с именем в косвенном падеже или реже в прямом, в большей части говоров сорани предлоги употребляются с именем в прямом (нейтральном) падеже. При этом в качестве то конкретизирующего, то поддерживающего их средства выступают послелогги. Иначе говоря, одни и те же или сходные отношения могут быть выражены двояко: с помощью предложной конструкции или предложно-послелогового сочетания.

3. Сложные формы предлогов сорани (*lê*, *pê*, *tê*) по своему употреблению также отличаются от аналогичных образований курманджи. Различие в употреблении этих форм в том и другом диалекте обусловлено различием функций входящей в их состав местоименной энклитики *-ê*.

4. Характерную особенность именных предлогов сорани составляет их преимущественное употребление с первичными предлогами, выступающими в составе сложно-именного предлога в качестве грамматикализующего элемента. Другой особенностью большей части именных предлогов являются их безизафетная связь с именем.

5. Послелогги в сорани грамматикализированы еще в большей степени, чем в курманджи, что проявляется в синонимической их взаимозаменяемости, наложении одного послелога на другой и несамостоятельности (невозможности употребления без предлогов).

6. Таким образом в сорани продолжается процесс расширения области употребления первичных предлогов, абстрагирования их значений и приобретения ими функции чисто грамматического показателя того или иного типа дополнения или обстоятельства. Отсутствие в сорани различия прямого и косвенного падежей обуславливает интенсивность этого процесса. Первичные предлоги, наряду с послелоггами, исполняют роль показателя косвенного падежа и, естественно, в качестве таких абстрактных

грамматических показателей они не могут пополняться новыми единицами. Этим объясняется расширение сферы их применения, что в свою очередь приводит к дальнейшей их грамматикализации. Пополнение состава предлогов осуществляется путем привлечения преимущественно имен существительных. Превращение их в служебные слова-предлоги осуществляется главным образом при посредстве первичных предлогов. Следовательно, в сорани наблюдается дальнейшее историческое развитие процессов, аналогичных тем, которые сейчас протекают в курманджи.

К.К.Курдоев

ЭНКЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОИМЕНΙΑ В КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Одной из интереснейших оригинальных особенностей южного диалекта курдского языка (сорани) является широкое распространение энклитических местоимений (*-n, -t, -î, -nan, -tan, -yan*), составляющих, пожалуй, основную отличительную черту этого диалекта. Происхождение этих форм энклитических местоимений, вскрытие всего многообразия их функций в предложении, установление условий их слияния с отдельными частями речи, выяснение их соотношения с прямыми и косвенными формами личных местоимений — вот круг вопросов, который встал перед нами при сравнительном изучении курдских диалектов.

2. Энклитические местоимения в сорани возникли вследствие усечения одних форм личных местоимений и образования на их базе других местоимений.

3. Сравнительный материал показывает, что энклитические местоимения, присоединяясь к различным частям речи (именам существительным, местоимениям, глагольным формам и предлогам), выступают в качестве самостоятельного члена предложения: подлежащего, прямого или косвен-

ного дополнения переходного глагола и определения.

4. Прослеживается генетическая связь энклитических местоимений сорани с косвенными формами личных местоимений в курманджи. Наиболее четко это обнаруживается в общности их семантики и в их функциональной сфере. Дialeктальное различие между ними состоит лишь в способе их употребления. Для энклитических местоимений характерна инверсивность и слитность употребления с различными частями речи, тогда как косвенные формы личных местоимений в курманджи при соответствующих частях речи однотипных предложений самостоятельны и устойчивы.

5. Прослеживая грамматические функции энклитических местоимений в сорани, мы обнаруживаем элементы инкорпорации. Инкорпорация может быть полной и частичной. Специфичным для полного инкорпорированного предложения надо считать присутствие в нем энклитических местоимений в качестве субъекта и объекта действия при безличной форме глагола. Полное инкорпорирование характерно для глагольных форм прошедшего времени. Оно встречается преимущественно в говоре сулеймани. Для неполного инкорпорированного предложения достаточно лишь прямого объекта, выраженного энклитическим местоимением при личной форме глагола. Неполное инкорпорирование характерно для временных форм глагола, образованных от основы настоящего времени. Оно встречается во всех говорах южного диалекта. Однако господствующим типом предложения для южного, и тем более для северного диалекта, будет аналитический тип предложения. В южном диалекте инкорпорированное предложение сосуществует с аналитическим и может быть заменено им без ущерба для содержания высказывания. Это дает основание предполагать, что инкорпорирование в южном диалекте явление чисто стилистического порядка, оно не может, следовательно, слу-

жить значительным препятствием для создания единого литературного курдского языка.

6. Раскрытие материальной, семантической и функциональной общности энклитических местоимений сорани с косвенными формами личных местоимений в курманджи еще раз убедительно подтверждает нашу точку зрения об единстве и общности грамматического строя курдского языка.

И.А.Световидова

НАКЛОНЕНИЯ В БЕНГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

0.1. В бенгальском языке выделяются два наклонения: изъявительное и повелительное. Они характеризуются особыми формами и определенным кругом значений.

1.1. Сослагательное наклонение, рассматриваемое в бенгальской грамматической литературе, отсутствует в бенгали, так как оно не имеет специальных форм.

2.1. Наклонения в бенгальском языке имеют грамматические категории времени и лица.

2.2. Изъявительное наклонение имеет восемь времен.

План настоящего времени	План прошедшего времени	План будущего времени
Настоящее общее Praesens (kar-i)	Прошедшее общее Praeteritum (kar-il-ām)	Будущее общее Futurum
	Прошедшее обычное Frequentativum (kar-it-ām)	
Настоящее длительное Praesens compositum (karite-chi)	Прошедшее длительное Imperfectum (karite-chilām)	(kar-ib-a)
Настоящее результативное Perfectum (kariyā-chi)	Прошедшее нерезультативное Plusquamperfectum (kariyā-chilām)	

2.3. Повелительное наклонение имеет два времени: настоящее и будущее.

2.4. В изъявительном и повелительном наклонениях глагол имеет три лица. Во 2-м лице различаются формы: нейтральная, уничижительная и вежливая. В 3-м лице — нейтральная и вежливая.

3.1. Для выражения многообразных отношений действия к действительности говорящие на бенгали используют формы изъявительного и повелительного наклонений.

**О ДИАЛЕКТАХ И АРГО НЕКОТОРЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ГРУПП В ДОЛИНАХ ГИССАРА И СУРХАН-ДАРЬИ**

1. В ходе работы по изучению индийского диалекта группы парья (1954-1964 гг.) автор занимался параллельно сбором материалов по диалектам и аргю некоторых небольших этнографических групп в долинах Гиссара и Сурхан-Дарьи и располагает в настоящему времени записями образцов разговорной и специально арготической речи четырех таких групп: а) "кавол" (шех-момади), б) джуги (мугат), в) согутарош и г) чистони. Собраны также материалы по таджикскому диалекту группы парья.

2. Являясь на территории Средней Азии пришельцами, все эти группы в силу ряда историко-культурных причин жили до самого последнего времени более или менее обособленно от окружающего населения. И хотя на протяжении последних десятилетий происходит интенсивный процесс консолидации этих небольших групп с окружающим таджикским и узбекским населением, они сохраняют все же ряд характерных особенностей как в этнографическом, так и в лингвистическом отношении.

3. Группа парья двуязычна (индийский и таджикский диалекты); остальные вышеперечисленные группы говорят на различных диалектных разновидностях таджикского языка, владея в то же время (в разной степени) и узбекским.

4. Группы парья, кавол и чистони пришли на территорию Средней Азии из Афганистана, и в таджикских говорах этих групп сохраняются диалектные черты, характерные для тех или иных таджикоязычных районов Афганистана. Учитывая слабую изученность таджикских (таджикско-персидских) говоров Афганистана, выявление и анализ этих диалектных особенностей может, как представляется, дать

известный материал для персидско-таджикской диалектологии.

5. Своеобразные диалектные черты наличествуют также в таджикском говоре группы джуги, обосновавшейся, по-видимому, на указанной территории значительно раньше, чем парья, кавол и чистони. Не исключено, что предки этой группы были в отдаленном прошлом индоязычны.

6. За исключением группы парья все вышеперечисленные группы имеют наряду со своими родными диалектами еще особые секретные языки (арго), точнее, искусственно созданные и пережиточно сохраняемые лексические (и, отчасти, словообразовательные) системы. Эти искусственные лексические системы сосуществуют для арготирующей группы с общенародной лексикой и заменяют в случае необходимости последнюю.

7. При всем разнообразии арго, употребляемых представителями групп кавол, джуги и чистони, эти арго имеют и некоторые общие элементы (лексические и словообразовательные), что еще раз подтверждает тезис об устойчивости арготической лексики и о древних связях между различными арготирующими группами Ирана, Афганистана и Средней Азии. Любопытно отметить, что некоторые арготические слова зафиксированы древнейшими из дошедших до нас новоперсидских толковых словарей (фархангов).

СОДЕРЖАНИЕ

I. Историография и источниковедение

Стр.

П.А.Грязневич. Социально-политический аспект проблемы возникновения исторической литературы на арабском языке.....	1
К.В.Васильев. Древнекитайская историография и ее методы.....	3
С.А.Школяр. Источники по истории доогнестрельной артиллерии в Китае.....	4
С.С.Какабадзе. Вопросы установления критического текста начальной части грузинского летописного сборника "Картлис цховреба".....	7
А.М.Газов-Гинзберг. Новое в толковании одного из основных памятников Мертвого моря.....	9
Д.С.Савицкий. Тибетский апокрифический сборник "Книга секты Кадам-па" и время его написания...	11
Н.Д.Миклухо-Маклай. "Аламара-йи Надири" Мухаммада Казима - важный источник персоязычной историографии ХУШ в.	12
М.А.Салахетдинова. "Дастур-ал мулук" Ходжи Самандара Термези как исторический источник...	14
О.Н.Щеглова. Собрание литографированных изданий на персидском языке.....	15
О.П.Петрова. Коллекция книг Дайкокуя Кодая и ее значение для истории русско-японских культурных связей.....	17

II. Проблемы социально-экономической и политической истории

В.А.Лившиц. Новые памятники хорезмийской письменности и некоторые проблемы истории Хорезма...	18
---	----

Ю.Л.Кроль. Личность Чэнь Шэ - руководителя первого народного восстания в Китае - в освеще- нии Сыма Цяня.....	21
А.Г.Лундин. Хронологическая схема истории древних государств Южной Аравии.....	24
О.С.Николаева. Явления деформации феодальных отношений в Японии в конце ХУП-ХУШ вв.	26
В.А.Ромодин. Вопросы истории родовой общины и форм землевладения у афганцев.....	28
М.М.Елизарова. Из истории общественных движе- ний в Египте I в. н.э.	30
А.С.Мартынов. Дипломатия накануне маньчжур- ского похода в Непал.....	31
Е.И.Васильева. Курдские феодальные княже- ства в ХУІ в.	33

III. История культуры народов Востока

О.Л.Фишман. Эпоха Просвещения в Китае.....	35
Р.Р.Орбели. Некоторые вопросы грузинского Просвещения ХУШ в.	36
А.Д.Желтяков, Ю.А.Петросян. Основные этапы и характерные черты развития просвещения в Тур- ции в новое время.....	38
Л.Н.Меньшиков. К вопросу об эволюции китай- ских этических установлений и ее отражении в буд- дийской литературе.....	40
Э.С.Стулова. Жанр баодэцзянь и его историко- литературное значение.....	42
Е.И.Кычанов. Тангутские пословицы	44

IV. Язык и письменность

С.Г.Кляшторный. К вопросу о происхождении древнетюркской рунической письменности.....	46
А.П.Терентьев-Катанский. Неизвестные знаки в памятниках тангутской письменности.....	48

С.И.Баевский. Уникальная рукопись персидско- го словаря XIX в.	49
М.Н.Зислин. Восточная школа грамматиков ев- рейского языка X-XIII вв.	51
М.И.Воробьева-Десятовская. Временные формы тибетского глагола в VIII-XI вв.	52
З.А.Юсупова. Предлоги и послелоги в сорани.	54
К.К.Курдоев. Энклитические местоимения в курдском языке.....	56
И.А.Световидова. Наклонения в бенгальском языке.....	58
И.М.Оранский. О диалектах и аргоне некоторых этнографических групп в долинах Гиссара и Сурхан- Дарьи	60

А-08561 Зак.72 Тир.200

Офсетное производство типографии №3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

